

КЗ–28 – Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552). Кніга запісау 28 / Падрыхтоўка тэкстау да друку і навуковы апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. – Мінск: АТННАЕUM, 2000. – 312 с.; КЗ–30 – Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 30 (1480–1546). Кніга запісау 30 / Падрыхт. В.С. Мянжынскі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 386 с.; ПА – Пинское Полесье, XIV–XVI вв.: исторические очерки / Александр Грушевский. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акц. Общ. печатн. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1903. – 194 с.

Пятаева Н.В. (Стерлитамак, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье затрагиваются вопросы диахронического описания генетически близкой лексики восточнославянских языков на основе исследования ее происхождения и семантики в соответствии с актуальными проблемами исторической дериватологии, лексикологии и лексикографии славянских языков.

Лексическое гнездо (далее: ЛГ) – сложная комплексная единица системы словообразования, в которой тесно переплетены и постоянно взаимодействуют разноуровневые семантические и структурные преобразования, способные привести к расщеплению и разрушению некогда единого гнезда. Изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, функционирование и распад лексических гнезд, – важнейшая задача диахронической дериватологии, признающей наиболее результативными и обнадеживающими исследования лексических гнезд на всем протяжении истории родственных языков. Такой подход позволяет выявить особенности формирования и функционирования ЛГ, специфику взаимоотношений между словами в пределах гнезда, установить статику и динамику в изучаемых гнездах, увидеть перспективу движения исследуемых фактов к современному состоянию. Исследование семантических изменений слов гнезда в их историческом развитии позволяет точно и доказательно определить условия разрыва словообразовательных связей и превращения словообразовательного гнезда в корневое или этимологическое, однако в историческом развитии лексического состава языка можно обнаружить более крупные системные образования, чем традиционно выделяемые словообразовательные, корневые и этимологические гнезда.

Так, в процессе исследования праславянской и общевосточнославянской (далее: о.-в.-с.) семантики лексических гнезд, возглавляемых индоевропейскими (далее: и.-е.) корнями *em- и *ber- 'брать, взять', была обнаружена генетическая связь их значений с семантикой и.-е. корней *do- (давать, дать) и *nes-(ti) (нести) [2; 3]. Семантический ряд, образуемый вершинами этих ЛГ, мы назвали **генетической парадигмой**. Опорные слова этого ряда (давать/дать → брать → взять → иметь → нести → давать) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: 'приобщаемый объект' и 'действие субъекта, направленное на

приобщаемый объект'. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят:

– и.-е.¹ *do-* имел значения 'давать/дать', 'брать', 'нести' (о.-в.-с. *дати* – *давати*, укр. *дати* – *давати*, блр. *даць* – *даваць*, рус. *дать* – *давать*), см. примеры проявления древней связи значений: болг. *имам вземане* – *даване* 'иметь общие дела с кем-л.'; о.-в.-с. *даньникъ* 'платящий дань' и 'сборщик дани'; укр. *надаць* 'присвоить звание, то есть взять самовольно', *дача* и *сбор* 'денежный, податной сбор', *нада́тъсь* 'напасться, насобирать';

– и.-е. **bheg-* 'нести' (отсюда о.-в.-с. *вєремѧ*, укр. *берѣжа*, блр. *берѣмо*, рус. *бремя*, *беремя*) в праславянском развивает значение 'брать' (о.-в.-с. *вѣрати*, укр. *брати*, блр. *браць*, рус. *брать*), становясь синонимичным и.-е. **em-* 'брать / взять' (о.-в.-с. *имати*, *нанимати*, укр. *імати*, *нанімати*, блр. *імаць*, *наняць*, в рус. сугубо сохранились только его префиксальные производные: *вынимать* – *вынуть*, *нанимать* – *нанять* и др.), который в более поздних суффиксальных дериватах приобретает значение 'иметь, обладать, владеть' (о.-в.-с. *имѣти*, ст.-укр. *има́ти* 'иметь' и 'ловить', укр. *мати*, *іміти* 'иметь', блр. *імаць* 'брать, принимать' и 'иметь', мець 'иметь', рус. *иметь*), существующее параллельно с изначальным на всем протяжении истории восточнославянских языков.

Пересечение значений в рефlekсах опорных слов этой генетической парадигмы можно наблюдать в современных славянских языках:

– более привычным и закономерным является наличие разнокорневых синонимов, восходящих к о.-в.-с. глаголам *имати* и *вѣрати* 'брать, хватать, ловить': укр. *брати* – *імати*, *яти*, *няти* 'брать, хватать', *розбі-рати(ся)*, *розі-брати(ся)* – *снімати(ся)* 'раздевать, снимать одежду; раздеваться'; блр. *абнімаць*, *абьімаць* – *аняць*, *разобраць* 'заклю́чать в объ́ятия, охватыва́ть – охватить, овладеть', блр. *браць*, *брацца* – *няць* и рус. *брать* – *взять*, супплетивно образующие видовую пару 'брать – взять, схватить';

– совмещение в одном именовании значений 'дать, давать' и 'брать', обусловленное восприятием последовательных и взаимообусловленных действий передачи и приобщения – «принятия» объекта как единого процесса (или сценария, в терминологии когнитивной лингвистики): 'давать, передавать кому-л. что-л.' → 'брать, принимать что-л. от кого-л.' и обратный процесс 'взять для того, чтобы отдать, передать что-л. кому-л.', ср. укр. *імати* 'брать, хватать, ловить' и 'давать', *нанімати* – *найня́ти* 'нанимать / нанять, брать / взять в пользование на определённый срок за плату' и 'отдавать / отдать в наём, на службу', разг. *найня́тися / нанятися* 'поступать на работу и / службу по найму' и 'быть сдаваемым в наём, в аренду'; блр. *раздаць* – *раздаваць* 'раздать, раздавать (отторгать от себя)' и 'наделить / наделять кого-л. чем-л.';

¹ лексический материал, использованный в статье в качестве иллюстраций, извлечен из лексико-этимологических и этимологических словарей русского и славянских языков, библиографическое описание которых помещено в списке литературы под номерами [1; 4; 6–12].

– наличие дополнительной семы 'нести' отмечено в значениях глаголов корневых групп *em- и *ber-: болг. *добера се* 'добраться, дойти, доехать', *емна, поема* 'отправиться куда-л.'; польск. *dobrac się* 'добраться', *przebrac się* 'пробраться', *zabrac się* 'собраться, уйти, отправиться, убраться'; укр. *забратися звідки-л.* 'убраться откуда-л., скрпясь', *знятися з місця* 'сняться с места, покинуть какое-л. место быстро, стремительно', *няти віри* 'верить, нести веру в себе'; блр. *дабрацца да месца* 'добраться до определённого места – туда, куда необходимо', *прыбрацца адкуль-л.* 'убраться откуда-л., скрпясь', *зняцца з месца* и рус. *сняться* 'покинуть какое-л. место, отправляясь в путь', разг. 'поехать, пойти в каком-л. направлении', диал. *донять* 'дойти, доехать, добраться до кого-л.';

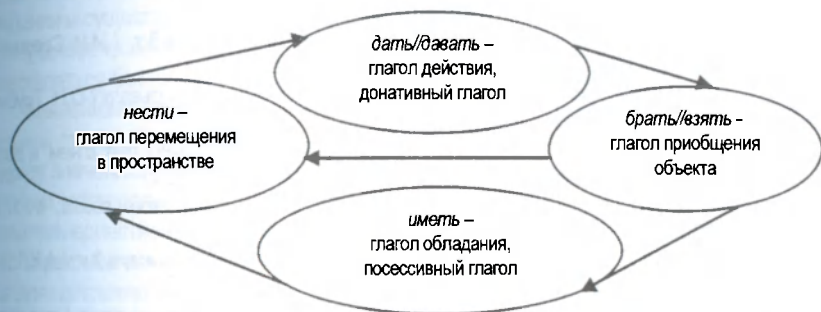
– ср. также проявление семантики 'перемещение в пространстве' в современном ЛГ с вершиной *nesti: укр. *нести* – *нестися* 'нести, быстро двигаться', *підноситися* – *піднестися* 'возноситься – вознестись', *переноситися* – *перенестися* 'переноситься – перенестись'; блр. *несці* 'нести, уносить, мчать', *несця* 'быстро двигаться, нестись, мчаться; удаляться, уноситься', диал. *носіцца* 'носиться, бегать туда-сюда', *узносіцца* – *узнэсця* 'возноситься – вознестись', *пераносіцца* – *перанэсця* 'переноситься – перенестись', *выносіцца* – *панэсця* 'уноситься – унестись'; рус. высок. *вознестись* 'поднять-ся вверх, высь', разг. *донестись* 'быстро доехать, домчаться', *нестись* 'очень быстро двигаться, перемещаться, мчаться', разг. *перенестись* 'стремительно перебежать, переехать, перелететь через что-л., куда-л.; примчаться', *пронестись* 'быстро пройти', *унестись* 'быстро удалиться, умчаться', а также в невозвратных формах *донести* 'быстро донести, доставить, домчать', *нести* 'стремительно передвигать, мчать'.

Попутно заметим, что более насыщенная семантика о.-в.-с. *носити* (с_л) связывает это ЛГ со значениями корней *em- и *ber-: 'увлекать силой своего движения' (како ти величин овьлацн тако горы преплываютьъ тако повелѣ г(с)ь вътру носити), 'воспринимать, постигать' (тако богъ великъ ксть носи наша грѣхы и всего мира бещисленю злобу), 'подвергаться чему-л.' (въ дружбѣ ликъствующнѣ тажести другѣ друга носашце), 'иметь' (доброхвальна оуста носити), 'быстро, беспорядочно перемещаться, носиться; устремляться; влечься, ввергаться' (симъ въ члвцѣхъ на пагубу носашимъсѧ съмѣреник наше), помимо этого см. *обноситисѧ* 'двигаться, перемещаться; бегать (о глазах); иметься; становиться известным, распространяться' (...везчинными въплми обноситисѧ).

Кроме семантического синкретизма, существование подобной генетической парадигмы обусловлено хорошо известным в сравнительной грамматике славянских и других и.-е. языков явлением *парадигматического супплетивизма*, описанным О.Н. Трубачёвым [5]: и.-е. *bher- 'нести' выступало в дуративно-презентной функции, тогда как в функции других глагольных времен оно восполнялось этимологически совершенно особыми основами – и.-е. *(e)nek-, *(e)l-, включая этимологически неясные случаи: греч. *φέρω* 'несу, ношу', *τλήναι*, *τάλασσαι*, лат. *fero* 'несу, ношу', форма перфекта *tulī* < др.-лат. *tulo*, *tulere* 'носить, приносить' (первоначально 'поднимать, выдерживать

тяжесть). Равным образом письменная история наблюдает факты разрушения, нивелировки супплетивности, когда лексическая самостоятельность слов получает преобладание над их грамматическими связями. Так, и.-е. *bher- и *(e)lek- в славянских языках выступают совершенно самостоятельными лексемами с особыми значениями *berQ, *byrati 'брать' и *nesti 'нести', и только старые отглагольные именные производные вроде *bermę 'бремя, ноша' показывают, что и славянские языки сохраняют память о старых супплетивных отношениях, ср. с.-х. nesti, nesem 'нести, ношу' и zanijeti 'понести, забеременеть'. Именно в последних формах наблюдается самобытное сохранение языкового факта большой древности.

Таким образом, семантическое соотношение компонентов нашей генетической парадигмы можно представить в виде схемы:

С достаточной долей уверенности можно предположить, что эта генетическая парадигма представляет собой ментальную схему **передачи – получения – обладания**, являющуюся семантической универсалией, а ее конкретное лексико-грамматическое воплощение в том или ином языке – показатель специфики национальной языковой картины мира.

В заключение отметим, что рассмотрение изменений, которые происходят в процессе развития лексической системы языка, делает генетическую парадигму важным объектом исторической лексикологии. Именно в крупных лексических объединениях могут быть выявлены и прослежены связи и взаимодействия между словами, их активизация или ослабление, изменения соотношений сфер употребления слов, их функциональная стратификация, то есть все те изменения, которые происходят в лексической системе языка. Одним из путей решения проблемы создания полного и систематического очерка общеславянской и, шире, славянской исторической лексикологии может стать рассмотрение динамики развития целого комплекса лексических гнезд на всем протяжении их существования в составе генетической парадигмы, ибо лингвистами давно отмечено, что слова со сходными значениями проходят сходную семантическую историю.

Литература

1. Гамкрелидзе, Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
2. Пятаева, Н.В. Единицы диахронического исследования лексической системы русского языка (к проблеме выделения и квалификации) / Н.В. Пятаева // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2010 г.): тр. и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: МГУ, 2010. – С. 320–321.
3. Пятаева, Н.В. К проблеме исследования лексики праславянского языка / Н.В. Пятаева // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр.; сост. и отв. ред. Т.В. Симашко. – М.; Архангельск: Междунар. АН педагогического образования; Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М.В. Ломоносова, 2011. – Вып. 5. – С. 168–178.
4. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И.И. Срезневский. – М.: Книга, 1989.
5. Трубачёв, О.Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду / О.Н. Трубачёв // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 3–25.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – СПб.: Терра – Азбука, 1996.
7. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1994.
8. Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / А.К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010.
9. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. – Вып. 2–4, 6, 9, 21–22, 24–26, 28, 30–32. – М.: Наука, 1975–1977, 1979, 1983, 1994–1995, 1997–2001, 2003–2005.
10. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. А.Ф. Журавлёва. – М.: Наука, 2007. – Вып. 33.
11. Buck, C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages: a contribution to the history of ideas / C.D. Buck. – Chicago – Illinois: The university of Chicago press, 1971. – 1785 p.
12. Słownik prasłowiański / red. naczelny Fr. Sławski. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974–1980. – Т. I–IV.

Тихонович В.С. (Минск, Беларусь)

СУЩНОСТЬ НУЛЕВОГО ЗНАКА КАК ГРАММАТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

В философии традиционно под знаком понимали материальный, чувственно воспринимаемый предмет (событие, действие или явление), выступающий в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования; он [знак] есть интерсубъективный посредник, медиатор в социальных взаимодействиях и коммуникации [1, с. 391]. На первый план в этом понимании знака выдвигается такое его свойство, как материальность.